

Муниципальное дошкольное образовательное учреждение
«Центр развития ребёнка – детский сад № 2 «Радуга Детства»

“МЫ О ВОЙНЕ СТИХАМИ ГОВОРИМ...”

II Сборник поэтической поэзии в рамках проведения
областного конкурса патриотической поэзии
среди педагогов образовательных учреждений
«Солдатский треугольник»

ГО Богданович, 2024 год

Сборник содержит произведения советских поэтов, чьё творчество отражает страшные годы ВОВ.

В сборнике, приуроченном к 79-летию окончания Великой Отечественной войны, представлена поэзия, посвященная событиям военных лет.

Вторая Мировая война (1939-1945 гг.) и в ее рамках Великая Отечественная (1941-1945 гг.) воспринимается сегодня не так однозначно, как раньше. Мы учили историю по советским учебникам, идеализирующим обороняющуюся сторону и демонизирующим нападавшую. Но сейчас мы не будем копать в исторической глубине, тем более что дело это неблагодарное. А познакомимся с литературными произведениями тех страшных лет, которые представят участники муниципального конкурса «Солдатский треугольник», отражающими жуткие события тех самых тяжелых 4-х лет этой нелепой, бессмысленной бойни, затеянной человеком, и безжалостно забравшей столько жизней.

Составители:

Иберфлюс Алена Сергеевна – старший воспитатель МДОУ «ЦРР №2 «Радуга Детства»;

Демина Галина Александровна – заместитель директора МДОУ «ЦРР №2 «Радуга Детства».

Муниципальное дошкольное образовательное учреждение
«Центр развития ребёнка – детский сад № 2
«Радуга Детства»

Содержание

1	Флягина Марина Владимировна. Р.Казакова – «На фотографии в газете»	5
2	Казарманова Марина Викторовна, Захаревич Татьяна Евгеньевна, Казанцева Екатерина Александровна М.Джалиль – «Варварство»	6
3	Струкова Людмила Петровна. О.Киевская – «Баллада о матери»	8
4	Иберфлюс Алена Сергеевна. С.Сухонин – «Две сестры бежали от войны»	11
5	Зибенгар Елена Владимировна. М.Смирнова – «Я ничего не знаю об окопах...»	13
6	Чапурина Наталья Сергеевна. К.Симонов – «Жди меня»	17
7	Киселева Екатерина Михайловна. М.Джадиль – «Смерть девушки»	18
8	Кунавина Светлана Борисовна, Марченко Юлия Евгеньевна. Т.Лаврова – «Солдатский треугольник»	19
9	Мышкина Анастасия Андреевна. С.Калашников – «Летела с фронта похоронка»	21
10	Якимова Наталья Анатольевна. М.Дудин – «Соловьи»	22
11	Искакова Ксения Вячеславовна. Кори Маркевич – «Монолог о войне»	25
12	Чемодакова Анастасия Сергеевна. О.Киевская – «Баллада о матери»	8
13	Зарывных Светлана Владимировна. Егор Исаев – «Суд памяти»	26
14	Рожкова Татьяна Александровна. «Кукла»	32
15	Мартынова Елена Викторовна. Н.Сказкина – «Груша»	33
16	Щипачева Лариса Вячеславовна. Р.Рождественский – «Баллада о красках»	35
17	Олтаржевская Наталья Васильевна, Шадрина Марина Владимировна, Болотникова Марина Николаевна, Шеломенцева Надежда Альбертовна. «Ходят по небу солдаты!»- И.Карпов	36
18	Олфиренко Полина Ивановна. «Варварство» - М.Джалиль	38

19	Мухаматьярова Юлия Радиевна. Р.Рождественский «Концерт»	40
20	Ящук Юлия Валерьевна. А.Дементьев - «Баллада о матери» - А.Дементьев	43
21	Николаева Ольга Сергеевна, Сурина Надежда Анатольевна. Б.Окуджава – «До свидания, мальчик!»	44
22	Роева Анна Викторовна. А.Смирнов – «Приходят к бабушке друзья»	45
23	Савченко Елена Васильевна. К.Симонов – «Слава»	47
24	Рыжкова Наталья Владимировна. Инга Чех – «Баллада о медсестре»	47
25	Бурмистрова Ольга Михайловна, Кочнева Светлана Владимировна, Шпинёва Галина Николаевна. Литературная композиция – «Треугольники – птицы, оригами войны...»	-
26	Борноволокова Е.В.,Красикова А.В., Ровнушкина М.Н., Борисова С.В. – Литературная композиция	-
27	Хайбуллина Мадина Маратовна. К.Симонов – «Открытое письмо»	53
28	Голощанова Галина Александровна. А.Невзучев – «Хорошо, когда Родина есть!»	57
29	Коровина Алена Викторовна. Е. Кириций – «Упрямый»	58

На фотографии в газете

Римма Казакова

На фотографии в газете
нечетко изображены
бойцы, еще почти что дети,
герои мировой войны.
Они снимались перед боем —
в обнимку, четверо у рва.
И было небо голубое,
была зеленая трава.
Никто не знает их фамилий,
о них ни песен нет, ни книг.
Здесь чей-то сын и чей-то милый
и чей-то первый ученик.
Они легли на поле боя,-
жить начинавшие едва.
И было небо голубое,
была зеленая трава.
Забыть тот горький год неблизкий
мы никогда бы не смогли.
По всей Россииobeliski,
как души, рвутся из земли.
...Они прикрыли жизнь собою,-
жить начинавшие едва,
чтоб было небо голубое,
была зеленая трава.

Варварство

Муса Джалиль

Они с детьми погнали матерей
И яму рыть заставили, а сами
Они стояли, кучка дикарей,
И хриплыми смеялись голосами.
У края бездны выстроили в ряд
Бессильных женщин, худеньких ребят.
Пришел хмельной майор и медными глазами
Окинул обреченных... Мутный дождь
Гудел в листве соседних роц
И на полях, одетых мглою,
И тучи опустились над землю,
Друг друга с бешенством гоня...
Нет, этого я не забуду дня,
Я не забуду никогда, вовеки!
Я видел: плакали, как дети, реки,
И в ярости рыдала мать-земля.
Своими видел я глазами,
Как солнце скорбное, омытое слезами,
Сквозь тучу вышло на поля,
В последний раз детей поцеловало,
В последний раз...
Шумел осенний лес. Казалось, что сейчас
Он обезумел. Гневно бушевала
Его листва. Сгущалась мгла вокруг.
Я слышал: мощный дуб свалился вдруг,
Он падал, издавая вздох тяжелый.

Детей внезапно охватил испуг,—
Прижались к матерям, цепляясь за подошвы.
И выстрела раздался резкий звук,
Прервав проклятье,
Что вырвалось у женщины одной.
Ребенок, мальчуган больной,
Головку спрятал в складках платья
Еще не старой женщины. Она
Смотрела, ужаса полна.
Как не лишиться ей рассудка!
Все понял, понял все малютка.

— Спрячь, мамочка, меня! Не надо умирать! —
Он плачет и, как лист, сдержать не может дрожи.

Дитя, что ей всего дороже,
Нагнувшись, подняла двумя руками мать,
Прижала к сердцу, против дула прямо...

— Я, мама, жить хочу. Не надо, мама!
Пусти меня, пусти! Чего ты ждешь? —

И хочет вырваться из рук ребенок,
И страшен плач, и голос тонок,
И в сердце он вонзается, как нож.

— Не бойся, мальчик мой. Сейчас вздохнешь ты вольно.

Закрой глаза, но голову не прячь,
Чтобы тебя живым не закопал палач.

Терпи, сынок, терпи. Сейчас не будет больно.—

И он закрыл глаза. И заалела кровь,
По шее лентой красной извиваясь.
Две жизни наземь падают, сливаясь,
Две жизни и одна любовь!

Гром грянул. Ветер свистнул в тучах.
Заплакала земля в тоске глухой,
О, сколько слез, горячих и горючих!
Земля моя, скажи мне, что с тобой?
Ты часто горе видела людское,
Ты миллионы лет цвела для нас,
Но испытала ль ты хотя бы раз
Такой позор и варварство такое?
Страна моя, враги тебе грозят,
Но выше подними великой правды знамя,
Омой его земли кровавыми слезами,
И пусть его лучи пронзят,
Пусть уничтожат беспощадно
Тех варваров, тех дикарей,
Что кровь детей глотают жадно,
Кровь наших матерей...

Балада о матери

Ольга Киевская

Сорок первый – год потерь и страха
Заревом кровавым пламенел...
Двух парней в растерзанных рубахах
Выводили утром на расстрел.

Первым шёл постарше, тёмно-русый,
Всё при нём: и силушка, и статья,
А за ним второй – пацан безусый,

Слишком юный, чтобы умирать.

Ну, а сзади, еле поспевая,
Семеня старенькая мать,
О пощаде немца умоляя.
«Найн, - твердил он важно, - растреляйт!"

«Нет! – она просила, - пожалейте,
Отмените казнь моих детей,
А взамен меня, меня убейте,
Но в живых оставьте сыновей!"

И ответил офицер ей чинно:
«Ладно, матка, одного спасайт.
А другого расстреляем сына.
Кто тебе милее? Выбирайт!»

Как в смертельной этой круговерти
Ей сберечь кого–нибудь суметь?
Если первенца спасёт от смерти,
То последыш – обречён на смерть.

Зарыдала мать, запричитала,
Вглядываясь в лица сыновей,
Будто бы и вправду выбирала,
Кто роднее, кто дороже ей?

Взгляд туда-сюда переводила...
О, не пожелаешь и врагу
Мук таких! Сынов перекрестила.

И призналась фрицу: «Не могу!»

Ну, а тот стоял, непробиваем,
С наслаждением нюхая цветы:
«Помни, одного – мы убиваем,
А другого – убиваешь ты».

Старший, виновато улыбаясь,
Младшего к груди своей прижал:
«Брат, спасайся, ну, а я останусь, -
Я пожил, а ты не начинал».

Отозвался младший: «Нет, братишка,
Ты спасайся. Что тут выбирать?
У тебя – жена и ребятишки.
Я не жил, - не стоит начинать».

Тут учтиво немец молвил: «Битте, -
Отодвинул плачущую мать,
Отошёл подальше деловито
И махнул перчаткой, - расстреляйт!"

Ахнули два выстрела, и птицы
Разлетелись дробно в небеса.
Мать разжала мокрые ресницы,
На детей глядит во все глаза.

А они, обнявшись, как и прежде,
Спят свинцовым беспробудным сном, -
Две кровинки, две её надежды,

Два крыла, пошедшие на слом.

Мать безмолвно сердцем каменеет:
Уж не жить сыночкам, не цвести...
«Дура–матка, – поучает немец, -
Одного могла бы хоть спасти».

А она, баюкая их тихо,
Вытирала с губ сыновних кровь...
Вот такой, – убийственно великой, -
Может быть у Матери любовь.

Две сестры бежали от войны

Сергей Сухонин

Две сестры бежали от войны –
Свете восемь, Кате три всего лишь...
Вот чуть-чуть еще, и спасены,
За холмом свои, а значит – воля.

Но рванула мина, сея смерть
Позади идущих дымно, гадко.
И один осколок долетел
И ударил младшей под лопатку.

Словно скрыть хотел преступный след
Миллиграмм горячего металла –
Ватник цел, и крови тоже нет,

Только сердце биться перестало.

Старшая сказала: «Хватит, Кать,
Ведь и мне приходится несладко.

Ручку дай, пора уже вставать,
Час еще, и будет все в порядке».

Но, увидев Катин взгляд пустой,
Света на мгновение застыла,
И, котомку выбросив с едой,
На плечо сестру свою взвалила.

И откуда силы в ней взялись,
Но она бежала и бежала...
Лишь когда увидела своих,
Пошатнулась и на снег упала.

Подошла к детишкам медсестра,
Маленькую Катю осмотрела
И сказала горестно: «Мертва»...
Света сразу в голос заревела.

«Нет, не надо, – разносился крик,-
Люди, люди, разве так бывает?...
Старший брат, Иван, в бою погиб...
Папу с мамой немцы расстреляли...

Почему так много в мире зла?...
Разве жизнь сестры моей – игрушка?»...
Медсестра за плечи увела

С поля восьмилетнюю старушку.

Ну, а Катю на руки поднял
Пожилой солдат из третьей роты.
«Внученька, – он только лишь сказал,-
Как же я тебя не уберег-то?»...

В небесах закаты жгут костры,
И ветра свои роняют вздохи,
Словно тихо плачут две сестры -
Искорки безжалостной эпохи.

Я ничего не знаю об окопах

Марина Смирнова

Я ничего не знаю об окопах,
Об их устройстве, нужной глубине,
Не отличаю “вылет” от “прилёта”,
Я ничего не знаю о войне!..
Я ничего не смыслю в медицине,
Что делать, если хлещет кровь из ран?!
Не отличу снаряда я от мины
И что мощней – “Герань” или “Тюльпан”?!.
Я ничего не знаю о разрухе,
Бомбежках на Донбассе и беде,
В тылу у нас об этом просто слухи
Расходятся “кругами по воде”...
Я ничего не знаю о “двухсотых”,
О “лепестках”, осколках и броне,

Как тяжелы по весу пулемёты –
Об этом знать совсем не нужно мне!..
Я даже не включаю телевизор,
Мне про войну не хочется смотреть,
Не знаю отличить как тепловизор
От “ночника” и как в него глядеть...
О том, что над страной сгустились тучи
Мне думать некогда, да мне оно зачем?!
Хочу я сериальчик и “на ручки”,
Своих и так достаточно проблем –
Рабочий день продлили на заводе
И “двойки” – вновь отбился сын “от рук”!
Без отпуска опять и муж “на взводе”,
В квартире срач, вдруг слышу в дверь я стук...
– Гражданочка, вам здоровья желаю! Муж дома?
– Да... – Выходит пусть ко мне!
Вы Иванов? Повестку вам вручаю!
Пришёл черёд вам послужить стране!”
Нет, о войне я ничего не знаю!
Зачем пришли вы с ней домой ко мне?!
Не надо, я прошу вас, умоляю,
Оставьте мужа и отца семье!..
Прошли недели, муж теперь на фронте,
Приходит от него короткий текст –
“Нас разбомбили, множество “трёхсотых”!
Найди скорей, кто может сделать сеть!
Для танка, для КамАЗа, для медроты,
Для блиндажей, для нашего БК!
Могли чтоб защититься от “прилётов”,
От коптеров-разведчиков врага!”

Куда бежать, кого спросить не знаю
И кто в беде теперь поможет мне?!
Простите, парни, что была такая,
Что знать я не хотела о войне!..
Весь интернет я вмиг перешерстила,
Любую информацию ищу –
О том, плетут где сети, шьют носилки
И как залить окопную свечу,
Где делают нашлемники ребятам,
Шьют раненым подушки и бельё,
Не думаю уже я, как когда-то,
Что это дело чьё-то, не моё!
Окончен бой, затишье, передышка –
Солдатам тоже нужно отдыхать...
Вдруг свой в эфире позывной услышал
“Урал, приём, хорош уже зевать!
Танцуй, братан, пришла тебе посылка,
С Урала шлют большой тебе привет!
А в той посылке, Боже, в той посылке,
Чего для нас, дружище, только нет!..
Там сети всех цветов и всех размеров!
Нашлемники, носилки в медсанчасть,
Окопных свеч под 200 штук наверно,
Что впору нам от радости плясать!..”
Ещё в посылке маленький и скромный
Лежал конверт, белел на самом дне,
Открыл его Урал и сердцем дрогнул –
Узнал знакомый почерк он в письме!
“Привет, любимый мой, мой долгожданный,
У нас всё хорошо, как ты, родной?!

Горячий поцелуй тебе от мамы,
От всех родных, гордятся все тобой!
Сплела я сети, видишь, как просил ты,
Согреты все они моим теплом!
И теплотой других людей согреты,
Как жаль, ты с ними всеми не знаком!
Сплотились все от мала до велика,
С утра до ночи трудится народ,
Защитники чтоб были под защитой,
Открыт в стране второй – “народный” фронт!
Плетут здесь сети, вещи шьют и вяжут,
Гуманитарный собирают груз,
По зову сердца, а не по приказу
Тут все работают не покладая рук!..
И сын давно исправил свои “двойки”,
Себя задира наш ведёт потише!
Скорее бы увидеть тебя только,
Ты обещал нам, что вернёшься, слышишь!?.
Родной, возвращайся с Победой!
Родной, возвращайся с друзьями!
На всех хватит соли и хлеба,
На всех хватит слёз и объятий!
За вас мы помолимся Богу
И тысячи свеч мы поставим...
И примемся вновь за работу!
И сети ещё вам отправим!..”
Я как и прежде ничего почти не знаю
Ни об окопах, ни о мощной силе взрыва,
Я всё таки не “на переднем крае”,
Ведь я простая труженица тыла...

Спасибо тем, кто фронту помогает,
Прекрасны их душевные порывы!
Ведь равнодушная война нам не прощает,
Пока мы друг за друга – будем живы!

Жди меня

Константин Симонов

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.
Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,

Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.
Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Смерть девушки

Муса Джалиль

Сто раненых она спасла одна
И вынесла из огневого шквала,
Водою напоила их она
И раны их сама забинтовала.
Под ливнем раскаленного свинца
Она ползла, ползла без остановки
И, раненого подобрав бойца,
Не забывала о его винтовке.

Но вот в сто первый раз, в последний раз
Ее сразил осколок мины лютой...
Склонился шелк знамен в печальный час,
И кровь ее пылала в них как будто.
Вот на носилках девушка лежит.
Играет ветер прядкой золотистой.
Как облачко, что солнце скрыть спешит,
Ресницы затенили взор лучистый.
Спокойная улыбка на ее
Губах, изогнуты спокойно брови.
Она как будто впала в забытье,
Беседу оборвав на полуслове.
Сто жизней молодая жизнь зажгла
И вдруг сама погасла в час кровавый.
Но сто сердец на славные дела
Ее посмертной вдохнутся славой.
Погасла, не успев расцвести, весна.
Но, как заря рождает день, сгорая,
Врагу погибель принеся, она
Бессмертною осталась, умирая.

Солдатский треугольник

Татьяна Лаврова

Помятый пожелтевший треугольник,
Листок тетрадный в клеточку, простой.
Кривые строки по сердцу – так больно,
Написаны мальчишеской рукой:

- Везут на Запад. Нас в вагоне много.
Мальчишки все, такие же, как я.
Беседуем, чтоб скоротать дорогу.
Здесь все свои, мы как одна семья.

Ты не грусти, маманя, мы ж пехота!
За Родину, за братьев, за отцов
Мы повоюем, верь. А жить охота!
Но за тебя я жизнь отдать готов!

Ну, всё, целую. Станция. Здесь почта.
И снова в путь, чтоб встретиться с врагом.
Храни, Господь! Жаль, некому помочь-то...
Вот я вернусь, и будет всё ладом.

Письмо ушло, а поезд под бомбёжку
Попал всего лишь через два часа.
Тела, припасы, котелки и ложки...
И сгустки крови в светлых волосах...

А фронт далёко, здесь не поле боя,
Здесь братская могила... Сотни душ.
И только ветер по погибшим воев,
Да вороньё спешит сорвать свой куш...

Помятый пожелтевший треугольник
За образами. Нет ему цены.
Кривые строки по сердцу – так больно...
Как весточка проклятой той войны...

Летела с фронта похоронка...

Сергей Калашиников

Летела с фронта похоронка
На молодого пацана,
А он еще лежал в воронке...
Ах, как безжалостна война!

И проходили мимо танки...
Чужая речь... а он лежал,
И вспоминал сестру и мамку,
Лежал и тихо умирал.

Пробита грудь была навывлет,
И кровь стекала в черный снег,
А он, глазами голубыми,
Встречал последний свой рассвет.

Нет, он не плакал, улыбался,
И вспоминал родимый дом,
И пересилив боль поднялся,
И, автомат подняв с трудом,

Он в перекошенные лица
Горячий выплеснул свинец,
Приблизив этим на минуту
Войны, безжалостной, конец.

Летела с фронта похоронка,
Уже стучался почтальон,

Солдат, глаза закрыв в воронке,
На миг опередил её.

СОЛОВЬИ

Михаил Дудин

О мертвых мы поговорим потом.
Смерть на войне обычна и сурова.
И все-таки мы воздух ловим ртом
При гибели товарищей. Ни слова
Не говорим. Не поднимая глаз,
В сырой земле выкапываем яму.
Мир груб и прост. Сердца сгорели. В нас
Остался только пепел, да упрямо
Обветренные скулы сведены.
Триста пятидесятый день войны.
Еще рассвет по листьям не дрожал,
И для остратки били пулеметы...
Вот это место. Здесь он умирал —
Товарищ мой из пулеметной роты.
Тут бесполезно было звать врачей,
Не дотянул бы он и до рассвета.
Он не нуждался в помощи ничьей.
Он умирал. И, понимая это,
Смотрел на нас и молча ждал конца,
И как-то улыбался неумело.
Загар сначала отошел с лица,
Потом оно, темнея, каменело.
Ну, стой и жди. Застынь. Оцепеней
Запри все чувства сразу на защелку.

Вот тут и появился соловей,
Несмело и томительно защелкал.
Потом сильней, входя в горячий пыл,
Как будто сразу вырвавшись из плена,
Как будто сразу обо всем забыл,
Высвистывая тонкие колена.
Мир раскрывался. Набухал росой.
Как будто бы еще едва означась,
Здесь рядом с нами возникал другой
В каком-то новом сочетанье качеств.
Как время, по траншеям тек песок.
К воде тянулись корни у обрыва,
И ландыш, приподнявшись на носок,
Заглядывал в воронку от разрыва.
Еще минута — задымит сирень
Клубами фиолетового дыма.
Она пришла обескуражить день.
Она везде. Она непроходима.
Еще мгновенье — перекосит рот
От сердце раздирающего крика.
Но успокойся, посмотри: цветет,
Цветет на минном поле земляника!
Лесная яблонь осыпает цвет,
Пропитан воздух ландышем и мятой...
А соловей свистит. Ему в ответ
Еще — второй, еще — четвертый, пятый.
Звенят стрижи. Малиновки поют.
И где-то возле, где-то рядом, рядом
Раскидан настороженный уют
Тяжелым громыхающим снарядом.

А мир гремит на сотни верст окрест,
Как будто смерти не бывало места,
Шумит неумолкающий оркестр,
И нет преград для этого оркестра.
Весь этот лес листом и корнем каждым,
Ни капли не сочувствуя беде,
С невероятной, яростною жаждой
Тянулся к солнцу, к жизни и к воде.
Да, это жизнь. Ее живые звенья,
Ее крутой, бурлящий водоем.
Мы, кажется, забыли на мгновенье
О друге умирающем своем.
Горячий луч последнего рассвета
Едва коснулся острого лица.
Он умирал. И, понимая это,
Смотрел на нас и молча ждал конца.
Нелепа смерть. Она глупа. Тем боле
Когда он, руки разбросав свои,
Сказал: «Ребята, напишите Поле —
У нас сегодня пели соловьи».
И сразу канул в омут тишины
Триста пятидесятый день войны.
Он не дожил, не долюбил, не допил,
Не доучился, книг не дочитал.
Я был с ним рядом. Я в одном окопе,
Как он о Поле, о тебе мечтал.
И, может быть, в песке, в размытой глине,
Захлебываясь в собственной крови,
Скажу: «Ребята, дайте знать Ирине —
У нас сегодня пели соловьи».

И полетит письмо из этих мест
Туда, в Москву, на Зубовский проезд.
Пусть даже так. Потом просохнут слезы,
И не со мной, так с кем-нибудь вдвоем
У той поджигородовской березы
Ты всмотришься в зеленый водоем.
Пусть даже так. Потом родятся дети
Для подвигов, для песен, для любви.
Пусть их разбудят рано на рассвете
Томительные наши соловьи.
Пусть им навстречу солнце зноем брызнет
И облака потянутся гуртом.
Я славлю смерть во имя нашей жизни.
О мертвых мы поговорим потом.

Монолог о войне

Кори Маркевич

Ах, девочки! Дожить бы до победы!
Сменить кирзу на лаковый каблук
и в легком платьице в цвет утреннего неба
пройтись по городу в кругу своих подруг.
Забыть войну и цвет бинтов кровавый!
. За городом над чистой рекой
упасть в цветущие дурманящие травы
и насладиться мирной тишиной.
Забыть войну. И в первый раз влюбиться
в героя или просто паренька,

да так, чтоб с ним на век душой сродниться
и не расстаться больше никогда!
И пусть потом у нас родятся дети:
два мальчика и девочка одна!
И будет вечный мир на белом свете!
Потом. Когда закончится война.
Ах, девочки! Дожить бы до победы!

Суд памяти

Егор Исаев

Он шёл в засеянный простор,
В зарейнские поля.
Вокруг него во весь напор
Работала земля.
Вся до корней напряжена,
Вся в дымке голубой...
Она щедра, земля, она
Поделится с тобой
Своим трудом, своим зерном,
Ни грамма не тая.
А чья она? Ей всё равно.
Да жаль, что не твоя,
Как облака, как тот завод,
Как тёплый ветерок.
Тропа — и та тебя ведёт
На бюргерский порог.
И там, быть может, ждёт ответ
Такой, как в те года:

«Работы нет». «Работы нет».
И что тогда? Тогда...
Тогда на всё ему плевать.
Да-да, на всё плевать!
Он будет пули отливать,
Как все, и есть и спать.
Беречь себя и свой покой,
Не думать — лишний труд, —
Какую даль, рубеж какой
Они перечеркнут,
Чьё сердце, грудь и чей висок
Придётся им прошить...
А память? Память — на замок,
Чтоб не мешала жить!
Он так решил, он думал так
Себе же вопреки.
И с каждым шагом — твёрже шаг,
И круче взмах руки,
И шире поворот плеча
И разворот груди...
И вдруг земля — совсем ничья —
Открылась впереди.
Совсем ничья, и вглубь и вширь
Раздвинула поля.
Среди хлебов глухой пустырь,
Забытая земля.
Ни колоска здесь, ни креста
И ни следа борозд.
И Герман Хорст шагнул и стал,
И вспомнил Герман Хорст:

Он здесь стоял ещё тогда,
В тридцатые года...
Стоял по правилам по всем
Он, двадцати трёх лет, —
В полынный цвет железный шлем,
Мундир — в полынный цвет.
Весь начеку, на всё готов,
Румянощёк, безус.
Как отпущенье всех грехов,
На пряжке: «Готт мит унс!»
Приклад — в плечо. Азарт и страх
В прищуре рыжих век.
А перед ним в трёхстах шагах
Фанерный человек
Стоял, не замышляя зла,
С безликой головой.
Дрожала мушка и ползла
По корпусу его.
Ползла, как было учтено
Внимательным зрачком
Туда, где сердце быть должно
Под чёрным пяточком.
Её инструкция вела
И чуткая ладонь.
— Огонь! — И пули из ствола
В мишень метал огонь.
-Огонь! — Огонь! — И Герман Хорст
Как надо брал — вподсек.
Но тот — фанерный — под откос
Не падал человек.

Не отвечал огнём, чудак,
Не клял, не умолял.
А он — живой — стрелял, да так,
Чтоб насмерть, наповал.
С плеча! Откинувшись слегка!
С колена! Лёжа бил!..
Пустырь. Могильная тоска,
Хотя здесь нет могил.
Здесь только гильзовая жесть —
Вразброс, не сосчитать.
Не счесть и тех парней, что здесь
Учились убивать.
Их было много, молодых,
В шинелях и в броне.
Вели, развёртывали их
В тот год — лицом к войне.
Курки — на взвод. Полки — на старт,
Готовые к броску.
Нетерпеливый шорох карт,
И порох начеку.
И фюрер плоскую ладонь
Над касками простёр:
— Огонь! — Развёрнутый огонь
Накрыл живой простор.
-Огонь! — Огонь! — На сто дорог
Вдоль западных границ
Вломились тысячи сапог,
Колёс и гусениц.
И Герман Хорст в лавине той —
В сукне, в дыму, в пыли —

Был малой точкой огневой
В масштабе всей Земли.
А в точке той, под тем сукном
Казённым, в глубине,
Живое сердце билось. В нём —
На дне, на самом дне,
Был тот росток, что в сотни линз
Нельзя найти, поймать,
Но он вмещал в себе всю жизнь,
Что подарила мать,
И первый свет, и первый шаг,
И первую весну.
И Рейн, и заводь в камышах,
И просто тишину,
И просто лодку, и причал,
И свет девичьих глаз.
Он то вмещал, что запрещал
И оглушал приказ:
Солдат! Он должен быть жесток
И, как взрыватель, прост.
Над нами бог, и с нами бог!
— Огонь! — И Герман Хорст
Поштучным, пачечным, строчным
С колена бил, с брони
Не по фанерным — по живым.
И падали они
И вниз лицом, и к небу — вверх —
В хлеба, в осоку, в ил.
Германия — превыше всех,
Превыше их могил.

Превыше слёз, превыше мук
И шире всех широт!
Пылал и пятился на юг
Французский горизонт.
Поштучным, пачечным, строчным
Бесился автомат.
И он, солдат, срастался с ним
И сам, как автомат,
Тупея, гнал перед собой
Убойную волну
Из боя — в бой. Из боя — в бой.
И из страны — в страну.
Из боя — в бой. Из боя — в бой...
Он шёл. Из года в год.
И убивал. И сеял боль
На много лет вперёд.
Сироты с болью той растут,
Стареют старики
И не вершат свой правый суд
Той боли вопреки.
Ведь как узнать, кто управлял
Той капелькой свинца,
Что где-то сбила наповал
Их сына иль отца?
Кто скажет им, где он живёт,
Тот человек — не зверь?
В каком кафе он кофе пьёт,
В какую входит дверь,
Чтоб постучать к нему рукой,
Войти не наугад?

И жив ли он?..
А он живой.
И в том не виноват,
Что не отмщён, что не прощён,
Что жив он, не убит,
Что не скрипит протезом он,
Что сына он растит,
Что у него работы нет,
Как двадцать лет назад,
Когда он был в шинель одет
И... вскинув автомат
Поштучным, пачечным, строчным
Шесть лет он брал вподсек.
А кто там падал перед ним —
Француз, хорват иль грек? —
Он не расспрашивал. Он бил
Юнцов и пожилых.
Пустырь, пустырь... Здесь нет могил,
Но здесь начало их.

Кукла

Много нынче в памяти потухло,
а живет безделица, пустяк:
девочкой потерянная кукла
на железных скрещенных путях.
Над платформой пар от паровозов
низко плыл, в равнину уходя...

Теплый дождь шушукался в березах,
но никто не замечал дождя.
Эшелоны шли тогда к востоку,
молча шли, без света и воды,
полные внезапной и жестокой,
горькой человеческой беды.
Девочка кричала и просила
и рвалась из материнских рук, —
показалась ей такой красивой
и желанной эта кукла вдруг.
Но никто не подал ей игрушки,
и толпа, к посадке торопясь,
куклу затоптала у теплушки
в жидкую струящуюся грязь.
Маленькая смерти не поверит,
и разлуки не поймет она...
Так хоть этой крохотной потерей
дотянулась до нее война.
Некуда от странной мысли деться:
это не игрушка, не пустяк, —
это, может быть, обломок детства
на железных скрещенных путях.

Груша

Надежда Сказкина

Кругом гремит не майский гром
И не салют бьет в небеса.
Все небо залито огнем.

Военных действий полоса.

И на войне, как на войне,
Окопы там, окопы тут.
Деревья ж в русской целине,
Как выросли, так и растут.

Стояла груша меж полей
С плодами соком налитыми.
Не дотянуться русским к ней
И немцам не дойти живыми.

А ветви клонятся к земле.
Всем хватит. Груши очень много.
Но выйдя из окопа к ней,
Последней может стать дорога.

И вдруг, как парус над окопом
Метнулся резво мирный знак.
Солдат с мешком за грушей топал.
В руке держал он белый флаг.

Мешок был полон груши спелой.
Солдат готов идти назад.
Вдруг, видит над окопом белый
Платок. К нему идет солдат.

С мешком и тоже с флагом белым
В немецкой форме шел вперед
Не быстрым шагом и не смелым,

Но знал, что грушу наберет.

И вот два встретились бойца
Под сенью мирной, русской груши.
И мир тогда звучал в сердцах.
И можно было груши кушать.

И можно было верить, что
Все главное уже случилось,
Что здесь под грушею, в тени
Война сегодня завершилась.

Баллада о красках

Роберт Рождественский

Был он рыжим, как из рыжиков рагу.
Рыжим, словно апельсины на снегу.
Мать шутила, мать веселою была:
«Я от солнышка сыночка родила...»
А другой был чёрным-чёрным у неё.
Чёрным, будто обгоревшее смолье.
Хохотала над расспросами она, говорила:
«Слишком ночь была черна!..»
В сорок первом, в сорок памятном году
прокричали репродукторы беду.
Оба сына, оба-двое, соль Земли —
поклонились маме в пояс.
И ушли.
Довелось в бою почуять молодым

рыжий бешеный огонь и черный дым,
злую зелень застоявшихся полей,
серый цвет прифронтовых госпиталей.

Оба сына, оба-двое, два крыла,
воевали до победы.

Мать ждала.

Не гневилась, не кляла она судьбу.

Похоронка
обошла её избу.

Повезло ей.

Привалило счастье вдруг.

Повезло одной на три села вокруг.
Повезло ей. Повезло ей! Повезло! —

Оба сына воротились в село.

Оба сына. Оба-двое. Плоть и стать.

Золотистых орденов не сосчитать.

Сыновья сидят рядом — к плечу плечо.

Ноги целы, руки целы — что еще?

Пьют зеленое вино, как повелось...

У обоих изменился цвет волос.

Стали волосы — смертельной белизны!

Видно, много

белой краски

у войны.

Ходят по небу солдаты

Игорь Карпов

Ходят по небу Солдаты.

Ходят строем, Бога ждут.
У него спросить им надо:
«Отче, нас когда найдут?
На исходе уже силы
И не пухом нам Земля.
Безымянные могилы...
Погибали, что, за зря?»
Аты — баты, аты — баты...
Врата, Боже, открывай.
Шаг печатают Солдаты,
Что идут из ада в рай.
Регистрируй поименно:
— Пал Серега под Смоленском.
До сих пор лежу под склоном.
— Я — Петро, лежу под Ржевом,
В первом перелеске, слева
У огромнейшей сосны.
— Пал под Ленинградом... Сева...
Сплю в болоте с той весны.
— Николай — я под Херсоном
В безымянной сплю могиле
И таких нас — миллионы,
Тех, кто Родину любили
И погибли за Победу...
Почему о нас забыли?
Места в памяти нам нету?
Аты — баты, аты — баты...
Врата, Боже, открывай.
Безымянные Солдаты
Что идут из ада в рай.

Варварство

Муса Джалиль

Они с детьми погнали матерей
И яму рыть заставили, а сами
Они стояли, кучка дикарей,
И хриплыми смеялись голосами.
У края бездны выстроили в ряд
Бессильных женщин, худеньких ребят.
Пришел хмельной майор и медными глазами
Окинул обреченных... Мутный дождь
Гудел в листве соседних рощ
И на полях, одетых мглою,
И тучи опустились над землю,
Друг друга с бешенством гоня...
Нет, этого я не забуду дня,
Я не забуду никогда, вовеки!
Я видел: плакали, как дети, реки,
И в ярости рыдала мать-земля.
Своими видел я глазами,
Как солнце скорбное, омытое слезами,
Сквозь тучу вышло на поля,
В последний раз детей поцеловало,
В последний раз...
Шумел осенний лес. Казалось, что сейчас
Он обезумел. Гневно бушевала
Его листва. Сгущалась мгла вокруг.
Я слышал: мощный дуб свалился вдруг,
Он падал, издавая вздох тяжелый.

Детей внезапно охватил испуг,—
Прижались к матерям, цепляясь за подошвы.
И выстрела раздался резкий звук,
Прервав проклятье,
Что вырвалось у женщины одной.
Ребенок, мальчуган больной,
Головку спрятал в складках платья
Еще не старой женщины. Она
Смотрела, ужаса полна.
Как не лишиться ей рассудка!
Все понял, понял все малютка.
— Спрячь, мамочка, меня! Не надо умирать! —
Он плачет и, как лист, сдержать не может дрожи.
Дитя, что ей всего дороже,
Нагнувшись, подняла двумя руками мать,
Прижала к сердцу, против дула прямо...
— Я, мама, жить хочу. Не надо, мама!
Пусти меня, пусти! Чего ты ждешь? —
И хочет вырваться из рук ребенок,
И страшен плач, и голос тонок,
И в сердце он вонзается, как нож.
— Не бойся, мальчик мой. Сейчас вздохнешь ты вольно.
Закрой глаза, но голову не прячь,
Чтобы тебя живым не закопал палач.
Терпи, сынок, терпи. Сейчас не будет больно.—
И он закрыл глаза. И заалела кровь,
По шее лентой красной извиваясь.
Две жизни наземь падают, сливаясь,
Две жизни и одна любовь!

Гром грянул. Ветер свистнул в тучах.
Заплакала земля в тоске глухой,
О, сколько слез, горячих и горючих!
Земля моя, скажи мне, что с тобой?
Ты часто горе видела людское,
Ты миллионы лет цвела для нас,
Но испытала ль ты хотя бы раз
Такой позор и варварство такое?
Страна моя, враги тебе грозят,
Но выше подними великой правды знамя,
Омой его земли кровавыми слезами,
И пусть его лучи пронзят,
Пусть уничтожат беспощадно
Тех варваров, тех дикарей,
Что кровь детей глотают жадно,
Кровь наших матерей...

Концерт

Роберт Рождественский

Сорок трудный год.
Омский госпиталь...
Коридоры сухие и маркие.
Шепчет старая нянечка:
«Господи!
До чего же артисты
маленькие...»
Мы шагаем палатами длинными.
Мы почти растворяемся в них

с балалайками,
с мандолинами
и большими пачками книг.
Что в программе?
В программе — чтение,
пара песен
военных, правильных...
Мы в палату тяжелораненых
входим с трепетом и почтением.
Двое здесь.
Майор артиллерии
с ампутированной ногой,
в сумасшедшем бою
под Ельней
на себя принявший огонь.
На пришельцев глядит он весело...
И другой —
до бровей забинтован, -
капитан,
таранивший «мессера»
три недели назад
над Ростовом.
Мы вошли.
Мы стоим в молчании.
Вдруг
срывающимся фальцетом
Абрикосов Гришка отчаянно
объявляет начало концерта.
А за ним,
не вполне совершенно,

но всюду запевале внимая,
о народной поём,
о священной
так,
как мы её понимаем.
В ней Чапаев сражается заново,
краснозвёздные мчатся танки.
В ней шагают наши
в атаки,
а фашисты падают замертво.
В ней чужое железо плавится,
в ней и смерть отступить должна.
Если честно признаться,
нравится
нам
такая война!
Мы поём.
Только голос лётчика
раздаётся.
А в нём — укор:
— Погодите...
Постойте, хлопчики...
Погодите...
Умер
майор... —
Балалайка всплеснула горестно.
Торопливо,
будто в бреду...

...Вот и всё
о концерте в госпитале
в том году.

Баллада о матери

Андрей Дементьев

Постарела мать за много лет,
А вестей от сына нет и нет.
Но она всё продолжает ждать,
Потому что верит, потому что мать.
И на что надеется она?
Много лет, как кончилась война.
Много лет, как все пришли назад,
Кроме мёртвых, что в земле лежат.
Сколько их в то дальнее село,
Мальчиков безусых, не пришло.
...Раз в село прислали по весне
Фильм документальный о войне,
Все пришли в кино — и стар, и мал,
Кто познал войну и кто не знал,
Перед горькой памятью людской
Разливалась ненависть рекой.
Трудно было это вспоминать.
Вдруг с экрана сын взглянул на мать.
Мать узнала сына в тот же миг,
И пронёсся материнский крик;
— Алексей! Алёшенька! Сынок! —
Словно сын её услышать мог.
Он рванулся из траншеи в бой.

Встала мать прикрыть его собой.
Всё боялась — вдруг он упадёт,
Но сквозь годы мчался сын вперёд.
— Алексей! — кричали земляки.
— Алексей! — просили, — добеги!..
Кадр сменился. Сын остался жить.
Просит мать о сыне повторить.
И опять в атаку он бежит.
Жив-здоров, не ранен, не убит.
— Алексей! Алёшенька! Сынок! —
Словно сын её услышать мог...
Дома всё ей чудилось кино...
Всё ждала, вот-вот сейчас в окно
Посреди тревожной тишины
Постучится сын её с войны.

До свидания, мальчики

Булат Окуджава

Ах, война, что ж ты сделала, подлая:
Стали тихими наши дворы,
Наши мальчики головы подняли —
Повзрослели они до поры,
На пороге едва помаячили
и ушли, за солдатом — солдат...
До свидания, мальчики!
Мальчики,
Постарайтесь вернуться назад.
Нет, не прячьтесь вы, будьте высокими,

Не жалеите ни пуль, ни гранат
И себя не щадите, и все-таки
Постарайтесь вернуться назад.
Ах, война, что ж ты, подлая, сделала:
вместо свадеб — разлуки и дым,
Наши девочки платица белые
Раздарили сестренкам своим.
Сапоги — ну куда от них денешься?
Да зеленые крылья погон...
Вы наплюйте на сплетников, девочки.
Мы сведем с ними счеты потом.
Пусть болтают, что верить вам не во что,
Что идете войной наугад...
До свидания, девочки!
Девочки,
Постарайтесь вернуться назад.

Приходят к дедушке друзья

Владимир Степанов

Приходят к дедушке друзья,
Приходят в День Победы.
Люблю подолгу слушать я
Их песни и беседы.

Я не прошу их повторять
Рассказов сокровенных:
Ведь повторять — опять терять
Товарищей военных,

Которых ищут до сих пор
Награды боевые.
Один сержант, другой майор,
А больше – рядовые.

Я знаю:
Трудно каждый год
Рассказывать сначала
О том, как армия вперёд
С надеждою шагала.

О том, какая там пальба,
Как в сердце метят пули...
— Судьба, — вздохнут они,
— Судьба! А помнишь, как в июле?

Я молча рядышком сажу,
Но, кажется порою,
Что это я в прицел гляжу,
Что я готовлюсь к бою.

Что те, кто письма пишут мне,
Уже не ждут ответа.
Что даже лето на войне –
Совсем другое лето.

Приходят к дедушке друзья
Отпраздновать Победу.

Всё меньше их,
Но верю я: они опять приедут.

Слава

Константин Симонов

За пять минут уж снегом талым
Шинель запорошилась вся.
Он на земле лежит, усталым
Движеньем руку занеся.
Он мертв. Его никто не знает.
Но мы еще на полпути,
И слава мертвых окрыляет
Тех, кто вперед решил идти.
В нас есть суровая свобода:
На слезы обрекая мать,
Бессмертье своего народа
Своею смертью покупать.

Баллада о медсестре

Инга Чех

Она сама пришла в военкомат
И попросилась в армию сестрой.
Но старый, покалеченный солдат
Спросил: - Не рановато ль тебе в строй?

Иди-ка, лучше, в куклы поиграй!

Тебе, пичуга, сколько полных лет?
Война не для тебя! Ты так и знай!
Послушай, дочка, старика совет!

Но тут её глаза он увидал,
И маленькая, щуплая девчонка
Вмиг стала взрослой. Медленно он встал
И сжал в ладони детскую ручонку.

- Куда пойдёшь? – спросил её солдат.
- На фронт! – ему ответила она, –
Я медсестрой поеду, в медсанбат,
Мои погибли! Я теперь одна...

Стучат колёса! Яростно стучат!
Искрят на стыках рельсов поезда:
Один из них – походный медсанбат,
Здесь стоны не стихают никогда.

И девочка в тяжёлых сапогах,
С ввалившимися, бледными щеками,
Весь день, как заводная, на ногах,
С опухшими от холода руками.

Она жалеет, моет, пишет письма,
Стирает гимнастёрки и бельё.
И всё бегом: старательно и быстро,
И жалоб не дождёшься от неё!

Но – скоро госпиталь. И, значит, остановка.

И, значит, можно будет отдохнуть...
Но вдруг упала девочка неловко
И крики полетели: - Взорван путь!

И снова: - Воздух!!! Нас бомбят, ребята!
Фашист проклятый раненых бомбит!
Сестрёнка из походного санбата
Помочь солдатам раненым спешит!

Подальше в поле, в снеговые дали,
Где волоком, где прямо на себе
Чтоб вражеские бомбы не достали
Выносит раненых, назло лихой судьбе.

И снова возвращается сестрёнка!
Туда, где взрывы, суэта и кровь!
Молоденькая тощая девчонка,
Ещё не повстречавшая любовь.

- Там кто-то есть! – она тихонько шепчет. –
Я видела! Молоденький такой!
И кулачки сжимаются покрепче
Под вой фашистских бомб над головой.

Дрожит земля, взметая тучи пепла,
Бушует пламя, яростно горит,
И время непростительно ослепло,
И дьявол свой обряд, смеясь, творит.

Она нашла его, едва живого.

Оттёрла грязным снегом кровь с лица,
И обняла как близкого, родного,
И целовала в губы без конца.
Я здесь, родной! – она ему сказала.
На спину взгромоздила и пошла,
И всё шептала: - Я не опоздала!
Нашла тебя, хороший мой, нашла!

- Давай, родная! Быстро! – ей кричали, –
Ведь он последний! Слышишь, добеги!
А бомбы, как безумные визжали,
И выли в небе бесами враги.

Всего два шага им идти осталось,
Когда её накрыла туча боли,
И девочка вдруг тихо застонала,
И крики покатались эхом в поле:
- Давай, родная! Слышишь!
Нет! Не слышит!..

Но... шаг за шагом медленно ступает,
Она не видит и почти не дышит,
И сердце – замирает... замирает...

Она упала на руки спасённым
С закрытыми навек войной глазами.
Слепило снегом в поле занесённом
И лица жгло солдатскими слезами...

Её похоронили целым миром –

Солдатским санитарным батальоном
И выла вьюга горестным клавиром,
Рыдая похоронным перезвоном.

И сиротливый холмик в чистом поле,
Увенчанный осколком страшной мины,
Последним домом, не судившим доли,
Стал для сестрѐнки – Тереховой Нины...

Осталось только фото – как насмешка
О юности, ушедшей в никуда.
Спасѐнный лейтенант его поспешно
Сжал в кулаке. На память! Навсегда...

Прошло четыре года. В День Победы
Домой вернулся раненный майор.
То было в сорок пятом. В мае. В среду.
Вошёл он, не спеша, в родимый двор.

И засияли окна в старой хате!
Ему на встречу выбежал отец.
- Ну, здравствуй же, сынок!
- Ну, здравствуй, батя!
Вот, свиделись с тобою, наконец!

А после за помин души ушедших
Сто грамм распили, славных боевых.
Лились потоком пламенные речи
Воспомианьями о павших и живых.

И сын отцу поведал о сестрѣнке,
Что похоронена одна во чистом поле,
Молоденькой, улыбочивой девчонке,
И о её, войной проклятой, доле.

И фотографию, хранимую все годы,
Он из кармана бережно достал.
Отец, лишь глянув на помятый снимок,
За грудь схватившись, громко застонал:
- Сыно-о-к! Родной! Ведь это я!

Ты слышишь! Её туда отправил умирать!
И горе, о котором не напишешь,
Сковало грудь: - Ах, если б мог я знать!..

Спустя три дня стояли у могилы
Отец и сын. И плакали вдвоём,
А после на колени став без силы,
Земле отец поведал о своём:
- Я не пускал её, просил – «Постой, не надо»!
Советовал ей в куклы поиграть!

И вот теперь, на старости, награда:
Её, мне, добрым словом поминать.
Так вышло, что спасла она мне сына.
А, значит, виноват я перед ней!

Спасибо, дочка! Маленькая Нина!
И нет тебя любимей и родней...

Открытое письмо
Константин Симонов

Я вас обязан известить,
Что не дошло до адресата
Письмо, что в ящик опустить
Не постыдились вы когда-то.
Ваш муж не получил письма,
Он не был ранен словом пошлым,
Не вздрогнул, не сошел с ума,
Не проклял все, что было в прошлом.
Когда он поднимал бойцов
В атаку у руин вокзала,
Тупая грубость ваших слов
Его, по счастью, не терзала.
Когда шагал он тяжело,
Стянув кровавой тряпкой рану,
Письмо от вас еще все шло,
Еще, по счастью, было рано.
Когда на камни он упал
И смерть оборвала дыханье,
Он все еще не получал,
По счастью, вашего посланья.
Могу вам сообщить о том,
Что, завернувши в плащ-палатки,
Мы ночью в сквере городском
Его зарыли после схватки.
Стоит звезда из жести там
И рядом тополь — для приметы...

А впрочем, я забыл, что вам,
Наверно, безразлично это.
Письмо нам утром принесли...
Его, за смертью адресата,
Между собой мы вслух прочли —
Уж вы простите нам, солдатам.
Быть может, память коротка
У вас. По общему желанью,
От имени всего полка
Я вам напомним содержание.
Вы написали, что уж год,
Как вы знакомы с новым мужем.
А старый, если и придет,
Вам будет все равно не нужен.
Что вы не знаете беды,
Живете хорошо. И кстати,
Теперь вам никакой нужды
Нет в лейтенантском аттестате.
Чтоб писем он от вас не ждал
И вас не утруждал бы снова...
Вот именно: «не утруждал»...
Вы побольней искали слова.
И все. И больше ничего.
Мы перечли их терпеливо,
Все те слова, что для него
В разлуки час в душе нашли вы.
«Не утруждай». «Муж». «Аттестат»...
Да где ж вы душу потеряли?
Ведь он же был солдат, солдат!
Ведь мы за вас с ним умирали.

Я не хочу судьбою быть,
Не все разлуку побеждают,
Не все способны век любить, —
К несчастью, в жизни все бывает.
Ну хорошо, пусть не любим,
Пушкой он больше вам не нужен,
Пусть жить вы будете с другим,
Бог с ним, там с мужем ли, не с мужем.
Но ведь солдат не виноват
В том, что он отпуска не знает,
Что третий год себя подряд,
Вас защищая, утруждает.
Что ж, написать вы не смогли
Пусть горьких слов, но благородных.
В своей душе их не нашли —
Так заняли бы где угодно.
В отчизне нашей, к счастью, есть
Немало женских душ высоких,
Они б вам оказали честь —
Вам написали б эти строки;
Они б за вас слова нашли,
Чтоб облегчить тоску чужую.
От нас поклон им до земли,
Поклон за душу их большую.
Не вам, а женщинам другим,
От нас отторженным войною,
О вас мы написать хотим,
Пусть знают — вы тому виною,
Что их мужья на фронте, тут,
Подчас в душе борясь с собою,

С невольною тревогой ждут
Из дома писем перед боем.
Мы ваше не к добру прочли,
Теперь нас втайне горечь мучит:
А вдруг не вы одна смогли,
Вдруг кто-нибудь еще получит?
На суд далеких жен своих
Мы вас пошлем. Вы клеветали
На них. Вы усомниться в них
Нам на минуту повод дали.
Пускай поставят вам в вину,
Что душу птичью вы скрывали,
Что вы за женщину, жену,
Себя так долго выдавали.
А бывший муж ваш — он убит.
Все хорошо. Живите с новым.
Уж мертвый вас не оскорбит
В письме давно ненужным словом.
Живите, не боясь вины,
Он не напишет, не ответит
И, в город возвратясь с войны,
С другим вас под руку не встретит.
Лишь за одно еще простить
Придется вам его — за то, что,
Наверно, с месяц приносить
Еще вам будет письма почта.
Уж ничего не сделать тут —
Письмо медлительнее пули.
К вам письма в сентябре придут,
А он убит еще в июле.

О вас там каждая строка,
Вам это, верно, неприятно —
Так я от имени полка
Беру его слова обратно.
Примите же в конце от нас
Презренье наше на прощанье.
Не уважающие вас
Покойного однополчане.

Хорошо, когда Родина есть!

Александр Невзучьев

Откуда такие речи?
Нет, мы не будем молчать!
Вздогнули даже Освенцима печи,
Когда стали ложью нас всех обливать.
Вздогнули узников бывших бараки,
Пепел сожжённых затрепетал,
От хриплого лая продажной собаки,
Который в эфире, как бред прозвучал.
Или не было вовсе Освенцима?
Или не было страшной войны?
Не стонала Европа под немцами,
Наложившая в страхе в штаны?
Было это! Запомните - было!
И не смейте глумиться и лгать.
Из людей просто делали мыло,
Чтобы с рук кровь людскую смывать.
Было столько мучений и боли,

Что Господь сам сознание терял,
Он ещё никогда столько горя
Никогда и нигде не видал.
У фашистов был план изуверский,
Превратить нашу землю в погост,
От того и свирепствовал зверский,
И безжалостный Холокост.
Вот поэтому надо помнить,
Кто Европе свободу вручил.
Это русский и скромный воин,
Он Освенцим освободил!
Путь лежал его от Сталинграда,
От смоленских и минских руин,
И ему стала высшей наградой
Побеждённый фашистский Берлин.
Этот путь весь в могилах солдатских
И не просто их все сосчитать,
В безымянных, безвестных и братских,
Их нельзя ни одну забывать.
Нам нельзя забывать о погибших.
Им великая слава и честь.
Пусть цветут в мае белые вишни.
Хорошо, когда Родина есть!

Упрямый

Елизавета Киризи

- Мама, здравствуй! Ты не волнуйся.
Я живой – и даже не мёрзну..

Дали нам вчера полушубки,
а к обеду – горячей похлёбки..
Мы от фронта уже недалече.
Слышал грохот, а ночью звёзды
от ракет - то плевки батареи.
Мама, знаешь.. я уже взрослый
и в бою побывал недавно..
А у Петьки - так есть награда!
Мы разбили их... Знаешь, мама –
Было страшно, но было надо.
Не хочу говорить об этом
или думать – нет моей силы...

Мама, помнишь, как прошлым летом
Мы в лесок по грибы ходили?
А в овраге видели зайца,
и кукушка нам нагадала,
что мы будем жить и смеяться,
много дней и годов немало...
Ты была в светло-синем платье,
в волосах заплелись иголки,
и аукались - ты и братья.
Сколь прошло с той поры... а сколько?

Нет, не помню. Зовут. Пора мне.
Допишу тебе завтра, ладно?.
Говорила сама: «упрямый».
Я упрямый – и буду храбрым.
Я люблю тебя, не покину,
защищать тебя буду, мама..»

В том бою – он упал на спину,
но не сдался.. Он был упрямым.